

рамку иконы надписи вязью: «ПРЕД МАКСИМЪ ГРЕКЪ».³¹ Изображение поражает своим лаконизмом. Выделяется широкоскулое, худое, восточного типа лицо с резкими, жесткими складками на щеках, пухлыми губами крепко сжатого рта, громадная окладистая борода. Рассматривая эту икону в ряду всех других дошедших до нас изображений Максима Грека, невольно ловишь себя на мысли: а не есть ли это позднейшая копия XVII или XVIII в. с иконы, написанной для установления на гробу Максима в конце XVI в.? Ведь именно такой надгробной иконой и могло быть это изображение, отличающееся и от условных «портретов» писателя, с одной стороны, и от канонических, однообразных типов «преподобного», «Радонежского чудотворца», распространившихся позднее, в XVII в. Во всяком случае трудно представить, чтобы это произведение было создано без какого-либо не дошедшего до нас древнего (и не древнейшего ли в ряду изображений Максима как святого) прототипа.

В заключение необходимо вернуться к вопросу о том, почему обвинявшегося дважды в ересь монаха-иноземца из греческого монастыря допустили без официальной канонизации в «преподобные», в число так называемых избранных святых русской православной церкви. Дело здесь, разумеется, менее всего в том, что Максима Грека после его смерти признали как одаренного публициста, обличителя монастырского стяжательства и т. п. Если бы речь шла только о его авторитете писателя, все могло бы ограничиться в области иконографии лишь распространением его условных «портретов». Остается предположить, что русская церковь стремилась реабилитацией памяти Максима Грека выиграть в это время во взаимоотношениях с константинопольским патриархом. Весьма возможно, что полученная Иваном IV Грозным в 1561 г. грамота константинопольского патриарха, подтверждающая его венчание на царство, и побудила ввести в 1564 г. в число особо чтимых мудрецов соотечественника греков Максима в фресках галереи Благовещенского собора московского Кремля. Это тем более вероятно, что о расположении константинопольского патриархата к Максиму Греку позволяет судить послание 1546 г. от патриарха константинопольского Дионисия к Ивану Грозному.³² Приведенные выше сведения из жития (№ 338) о введении почитания Максима Грека в московском Кремле (Успенский собор) и в Троице-Сергиевом монастыре с ведома царя Федора Иоанновича и только что поставленного (1588 г.) во главе русской патриархии Иова, известия о поощрении ими же иконописцев, изображавших Максима Грека, следует объяснять, как нам кажется, опять-таки взаимоотношениями между русской церковью и константинопольским патриархатом в конце XVI в. Прибывший для поставления в патриархи московские митрополита Иова константинопольский патриарх Иеремия II посетил в 1588 г. Троице-Сергиев монастырь.³³ Здесь, по-видимому, Иеремия II обратил внимание на могилу своего соотечественника и, должно быть, отнесся к его памяти сочувственно, так как ему самому пришлось пережить годы изгнания и опалы.³⁴ Предприним-

³¹ По наблюдению М. В. Щепкиной, палеографические особенности этой надписи указывают на подражание образцу XVI в.

³² Е. Е. Голубинский. История Русской церкви, т. 2, 1-я половина. М., 1900, стр. 816—817.

³³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. VIII, т. X. СПб., 1843, стр. 71—72, прим. 214. В своей статье 1954 г. И. Денисов указывает на роль Иеремии II в реабилитации Максима (стр. 11).

³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. X. СПб., 1843, стр. 69. «Греческое дело» 1588 г. (ЦГАДА, ф. 52, дело 1588 г., ед. хр. 3, лл. 42 об.—46 об.) сохранило сведения о том, что Иеремия II пробыл в Троице-Сергиевом монастыре значительно дольше, чем предполагалось. Он уехал из Москвы 5 февраля 1589 г.;